

ИНТЕРЕСНЫЙ СОБЕСЕДНИК

Писатель Лев Разгон — человек необыкновенно сложной и интересной судьбы. Он был очевидцем и участником многих событий истории страны. 17 лет провел в сталинских лагерях и ссылке. Об этом времени написал книгу «Непридуманное», которая сегодня пользуется огромной популярностью.

Наш нештатный корреспондент Владимир НИКИШИН взял у Л. РАЗГОНА интервью.

— Лев Эммануилович, недавно в еженедельнике «Аргументы и факты» опубликованы данные МВД СССР, где сказано, что за период с 1921 по 1954 год за контрреволюционные преступления у нас было осуждено 3.777.380 человек, в том числе к высшей мере приговорено 642.980. Насколько, на ваш взгляд, правдивы эти цифры?

— Цифры эти, конечно, не дают представления о размахе народной трагедии тех лет. По этим и другим статьям сидели в тюрьмах и лагерях многие сотни тысяч ни в чем не повинных людей! Далеко не все вошли в опубликованные цифры. Вся правда о сталинщине еще не сказана.

Я убежден, что мы лишь в небольшой степени знаем то, что происходило в годы культа личности. И цифры, которые опубликовало МВД СССР на основании данных ЦГБ СССР, еще раз доказывают, что эти ведомства категорически отказываются допустить общественность к истине. Правда, которая выдается строго дозировано, не может быть настоящей правдой. Даже сегодня отказываются выдать личные дела уничтоженных людей! Выдать их родным, как это делается во всем цивилизованном мире, где через 25 лет любые секретные дела перестают быть секретными. А у нас прошло уже 50 лет, давно нет этих людей, превращенных в лагерную пыль, кости, разбитые черепа, а вот дела их не выдают — и все!

— Вы являетесь одним из сопредседателей общественного совета общества «Мемориал»...

— Общество «Мемориал» создано три года назад теми, кто был репрессирован, а молодыми людьми. Они ходили по улицам, учреждениям, предприятиям и собирали подписи в поддержку идеи создания такого общества. Они собрали 50 тысяч подписей за короткий срок и подали их Горбачеву накануне XIX партконференции.

Общественный совет «Мемориала» не выбирался, не назначался, а был создан методом опроса людей. 17 человек, набравших наибольшее число голосов, и стали общественным советом. Первым в списке был Андрей Дмитриевич Сахаров. Он и был до самой своей смерти председателем совета. Александр Солженицын отказался от участия в работе совета в связи с тем, что практически не может участвовать в его работе. И сегодня в общественном совете «Мемориала» 15 человек. Но само общество до сих пор не зарегистрировано. Точнее, его не хотят регистрировать! Отделения «Мемориала» регистрируют в городах, а общество в целом — нет.

— Но почему? Ведь «Мемориал» преследует самые гуманные цели!

— Именно. Он стремится создать не памятник миллионным уничтоженным в годы сталинщины из бронзы и мрамора, а исследовательский центр, музей, издательство. Члены общества хотят составить полный и исчерпывающий список всех репрессированных. Но для

этого нужны архивы, прежде всего архивы КГБ, закрытые для всех без исключения. «Мемориал» стремится создать систему защиты людей, которые осуждены или преследуются сегодня за свои убеждения. То есть выполнять правозащитные функции. Все эти задачи по плечу только центральному совету нашего общества, но его-то как раз и не регистрируют!

Тот денежный фонд, который собран по десятке, по рублю тысячами людей нашей страны, лежит в банке, и мы не можем снять со счета ни копейки, так как общество не зарегистрировано и у нас нет печати. В последний раз, когда академик Афанасьев и писатель Ада-

ловека из нашего правительства или ЦК партии. Я, конечно, очень рад, что глава государства шлет приветствия нашим девушкам, идущим на лыжах к полюсу, или нашим космонавтам. Все это надо приветствовать. Но как же можно было не обратить внимания на конференцию, на которую собрались остатки из тех миллионов людей, которые были репрессированы в ходе сталинского культа?...

— Идеи Сталина и сегодня находят широкую поддержку у многих людей. То и дело слышны призывы о необходимости «железной руки», о карах за инакомыслие и так далее.

— Это естественно. Что нам оставили Сталин, Брежнев и их соратники? Прежде всего необыкновенно жестокое и глубоко безнравственное общество. Я работаю в детской литературе почти всю жизнь и все эти годы имел отношение к воспитанию детей, которое сводилось к тому, что выращивались поколения людей лживых, фальшивых и недобрых.

Меня поразило, что во всех магазинах, учреждениях, людных местах есть въезды для инвалидов в колясках. На улицах, там, где нет светофоров, поставлены низкие столбики с кнопками. И я видел, как к такому столбику подъезжает инвалид в коляске, нажимает кнопку — и огромный лондонский поток машин замирает, чтобы через дорогу спокойно проехал инвалид. Во многие платные места инвалидов, стариков пропускают бесплатно. Так вот, мне кажется, для воспитания детей очень важно, чтобы они знали, что самая привилегированная часть населения не они, дети, а старики и инвалиды.

Вспоминаю, как в начале двадцатых годов, когда не было еще в школах новых, советских учителей и с нами занимались бывшие преподаватели гимназий, они никогда не говорили ученикам «ты», а только «вы». Потому что в дореволюционной гимназии, где была жесткая дисциплина, учителя обращались к молодым

служенное наказание. Но они ведь и жалости заслуживают. Они — несчастные люди! Если б вы знали, какой поток писем пошел на радиостанцию! Не было такой кары, которую не требовали бы для меня слушатели. Меня называли негодяем, покровителем убийц, мне желали самого страшного суда. И писали в основном — женщины.

— Лев Эммануилович, вы принадлежите к числу интеллигенции, то есть тех людей, которые во многом создают культуру народа, в значительной степени влияют на его нравственность, мораль. Интеллигенция у нас «выкашивалась», травилась и изгонялась на протяжении десятилетий. И сегодня сотни тысяч далеко не самых последних людей уезжают за рубеж. С чем мы останемся?

— Конечно, культура нашего народа понесла огромные и непоправимые потери. Но сейчас мы переживаем период очищения и возвращения нашего культурного наследия. Возвращаются наша богатейшая литература, философия, эстетика. Академик Лихачев, если вы помните, говорил: «Пусть все погибнет, останутся только библиотеки — и тогда сохранится жизнь и сохранится культура». Так вот, нужно, чтобы сохранились книги. Нужно, чтобы привычка читать была такой же, как привычка есть, пить, дышать, наконец. Но, безусловно, для восстановления высокого уровня культуры нужно время.

— В последние годы вы часто встречались с Андреем Дмитриевичем Сахаровым...

— С Андреем Дмитриевичем я был знаком давно, но в последние годы его жизни встречался особенно часто. Мне было крайне интересно за ним наблюдать, потому что я впервые в жизни видел поистине Великого человека. А жизнь меня не обидела знакомствами со многими выдающимися людьми нашего века. В нем не было ни капли величия или сознания, что он стоит над кем-то. Он занимался делами «Мемориала» с такой же тщательностью, скрупулезностью, как и другими научными или общественными делами. Под его влиянием я всегда выступал и выступал против суда над нашими палачами, теми следователями НКВД и членами троек, которые сегодня живут и здравствуют.

— Вы считаете, что беззакония, которые они творили, не нуждаются в наказании?

— Нет, они должны быть наказаны. Но наказаны полной правдой. Ведь даже книга Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», страшная по своей открытости, не охватывает всего. Хотя само название такой книги — подвиг писателя. Но при всем своем величии «Архипелаг ГУЛАГ» является только опытом художественного исследования. А ведь период сталинщины остро нуждается в полном и правдивом научном исследовании. И я уверен, что это научное исследование будет намного страшнее, чем книга.

...Я многое видел в жизни, многое пережил и могу сказать, что хоть мы и живем в очень трудное время, нужно надеяться на лучшее, нужно быть хоть немножко оптимистами.

— Большое спасибо за беседу.

Фото В. ТИМОФЕЕВОЙ.

Лев Разгон: «ВСЯ ПРАВДА О СТАЛИНЩИНЕ ЕЩЕ НЕ СКАЗАНА»

мович ходили к товарищу Лукьянову, он им ответил, что общество регистрируют тогда, когда будет принят закон о регистрации общественных организаций.

— Но ведь другие-то общественные организации регистрируют!

— И все-таки это так. Данного закона нет в повестке дня нынешней сессии Верховного Совета страны, и когда он будет принят, трудно сказать. Между тем только на последнем пленуме «Мемориала», где председательствовал покойный академик Сахаров, было представлено 112 городов страны. Для регистрации общества было сделано все необходимое: создана учредительная конференция, принят устав общества, разработана программа, но...

Должен сказать, что я испытал дикий стыд от того, что Москва не нашла здания для проведения учредительной конференции и народный депутат СССР, ректор Московского авиационного института академик Рыжов предоставил клуб своего института и, как хозяин, открыл заседание конференции. И еще меня поразило то, что на этой конференции, которая проводилась два дня, не было ни одного че-

Все нравственное заменялось парадными ритуалами, извращалась история, литература, а значит, и мораль. Я, например, не могу спокойно проходить мимо так называемых почетных детских караулов. Школьники, одетые в белые перчатки, с аксельбантами, с автоматами в руках должны изображать любовь и почтение народа к павшим за Родину. Но ведь все это неправда! Потому что и сегодня 240 тысяч солдат Великой Отечественной только под Ленинградом лежат незахороненные. А сколько их лежит всего по российским полям и болотам? Миллионы!

Так вот, эти же ребята, которые в почетном карауле изображают благоговение, играют затем в футбол черепами незахороненных павших солдат! Что может вырасти из таких молодых людей? Я не говорю о всех молодых людях, но ведь и таких не единицы.

А разве утверждение, что дети у нас самая привилегированная часть населения, — правда? Мы долго со всех трибун твердили: «Все лучшее — детям!». Во-первых, и это неправда, а во-вторых, разве этим нужно воспитывать детей? Я не так давно вернулся из Англии. Ме-

людям со словами «господин». И это было естественно и нормально. А у нас девица или юноша, только окончившие институт и прошедшие в школу, могут себе позволить обращаться к ученикам на «ты», покрикивать на них.

Что нужно делать, чтобы искоренить жестокость? Неоправданную, часто даже неосознанную жестокость. Она — самое страшное наследие сталинизма. И должны пройти десятилетия, чтобы люди изменились, стали добрее, нравственнее. А сегодня это невозможно и из-за низкого уровня культуры, и из-за экономической отсталости, и еще потому, что само наше государство — жестокое беспредельно. Наши законы — жестокие, и практика этих законов — жестокая. Простой пример. Адвокат не может, разговаривая со своим подзащитным и видя, что он голоден, дать ему кусок хлеба. Он лишается адвокатуры.

Так стоит ли удивляться росту преступности в стране?

Не так давно ко мне обратилась радиостанция «Юность». И я выступил по радио, говорил о том, что надо жалеть тех, кто сидит в тюрьмах. Они совершили преступление и отбывают за-